

МАССИРОВАНИЕ РУЖЕЙНАГО ОГНЯ.

Военное искусство не математика; оно не имѣетъ столь ясныхъ и безпорныхъ аксіомъ и всякое, даже общепринятое, положеніе можетъ быть съ успѣхомъ оспариваемо до безконечности. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію въ бою частнаго вопроса, поневолѣ приходится уяснить себѣ предварительно тѣ основные принципы, на которыхъ будетъ покоиться какъ дальнѣйшій рядъ разсужденій, такъ и окончательный выводъ. Управление ружейнымъ огнемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ частныхъ вопросовъ, важность которыхъ никѣмъ теперь уже не оспаривается, но окончательный выводъ по коимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его правильность, зависитъ отъ того, на какихъ основахъ выводъ будетъ построенъ и насколько эти основы прочны.

Если обратиться къ статистическимъ даннымъ послѣднихъ войнъ, то мы увидимъ, что первенствующее или, вѣрнѣе, господствующее положеніе въ дѣлѣ нанесенія непріятелю потерь въ людяхъ занимаетъ ружейная пуля, дающая 80% потерь. Несомнѣннымъ является также, что моральное потрясеніе непріятеля зависитъ не столько отъ грохота рвущихся снарядовъ и тому подобныхъ пугалъ, сколько отъ понесенныхъ имъ потерь. Существуютъ даже выведенныя изъ опыта, хотя и очень подозрительныя, циф-

ровыя данныя, указывающія какой процентъ потерь могутъ выдерживать войска различныхъ государствъ. Всѣми признается, что часть, понесшая громадныя потери, не можетъ быть не потрясенной.

Если разныя пугала, поражающія зрѣніе и слухъ, ускорятъ это потрясеніе, производимое непосредственной угрозой смерти, то это въ особый ущербъ дѣлу не пойдетъ. Во всякомъ случаѣ необходимо согласиться, что невидимый непріятель, безшумно пещущій намъ смерть, можетъ навести на насъ паническій страхъ и, наоборотъ, непріятель, мечущій въ насъ грома, сверкающій штыками и тому подобными блестящими арматурами, но не наносящій потерь, придастъ намъ лишнюю бодрость духа.

Теперь становится очевидной аксіома: нравственное потрясеніе въ современномъ бою наносить непріятелю, главнымъ образомъ, ружейная пуля.

Коэффициентомъ силы даннаго отряда у насъ попрежнему считается число штыковъ, сабель и орудій. Это пережитокъ. Оставляя сабли и орудія въ покоѣ и не тревожа данныхъ моральнаго порядка, мы должны признать, что, если и имѣетъ нѣкоторый смыслъ опредѣлять силу отряда числомъ стрѣлковъ въ пѣхотѣ, то число штыковъ, при принятіи нами первой аксіомы, тутъ ровно не причемъ. Штыкъ—скорѣе факторъ моральнаго свойства, чѣмъ смертоносное оружіе и вопросъ о преимуществахъ того или другого его образца является несущественнымъ. Коэффициентъ силы величина сложная, зависящая отъ числа стрѣлковъ даннаго отряда, могущихъ, по существующимъ въ арміи тактическимъ приѣмамъ, принять непосредственное участіе въ огневомъ бою, отъ свойствъ ручнаго оружія и отъ умѣнія использовать эти свойства. Указанныя данныя, при опредѣленіи коэффициента силы, надо признать равнозначачими данными перваго порядка. Такія же данныя, какъ искусство каждаго отдѣльнаго стрѣлка въ производствѣ мѣткаго выстрѣла, настильность траекторій, организація пополненія патроновъ и т. п. слѣдуетъ считать данными втораго порядка, служащими для опредѣленія величины данныхъ перваго порядка. Изъ этого видно, что перевѣсъ въ числѣ штыковъ далеко не всегда характеризуетъ большій коэффициентъ силы.

Если все это такъ, то самъ собою напрашивается вопросъ, не явится ли главнымъ родомъ оружія пулеметъ, дающій наиболѣе совершенную стрѣльбу ружейной пулей. Отвергнуть эту мысль не трудно. Обратившись къ исторіи нашихъ пулеметовъ, мы увидимъ, что, хотя многіе считаютъ пулеметы за особый родъ оружія, но это

является лишь результатом увлеченія и поисковъ за громкими фразами. Первый нашъ пулеметь былъ колесный со щитомъ и передкомъ, слѣдующій—треножный, затѣмъ—салазочный. Въ этомъ уменьшеніи громоздкости его размѣровъ, въ этомъ переходѣ отъ колеснаго способа передвиженія матеріальной части къ вьючному, а затѣмъ въ бою даже къ салазочному, видно настойчивое стремленіе вырвать пулеметь изъ ошибочно навязанной ему роли особаго рода оружія, превратить его въ легкое автоматическое ружье. Нѣсколько человѣкъ во взводѣ, вооруженныхъ автоматическими ружьями, при соответственнымъ образомъ организованномъ питаніи патронами, дадутъ такое же увеличеніе коэффиціента силы, какое даетъ ему пулеметь. Пулеметь не особый родъ оружія, а лишь серьезное и, если хотите, могущественное средство увеличить коэффиціентъ силы данной части войскъ. Пулеметь по силѣ огня равенъ 60—80 лучшимъ стрѣлкамъ, такъ говоритъ его тактика. И чѣмъ большее значеніе мы ему придадимъ, тѣмъ рельефнѣе выступитъ значеніе той же ружейной пули, которою стрѣляетъ пулеметь.

Однако, невинный самъ по себѣ свистъ пули страшень лишь тогда, когда онъ является дѣйствительной угрозой смерти. Современный разумный огневой бой потребуетъ такого количества полезно потраченныхъ патроновъ, что расходовать ихъ на безразсудную стрѣлбу по большимъ площадямъ прямо преступно. Огонь долженъ быть мѣткимъ, насколько позволяютъ это условія боя, и чѣмъ мѣткость больше, тѣмъ лучше. Еще очень недавно эта аксіома была подъ подозрѣніемъ, но если даже признать ея сомнительность, то окончательный выводъ отъ этого только выиграетъ въ своей убѣдительности.

Тѣмъ не менѣе мѣткость огня въ бою не всегда³ стоитъ на должной высотѣ и, если, вслѣдствіе напряженнаго моральнаго состоянія войскъ или ихъ утомленія, мѣткость значительно понизится, то тогда явится потребность вознаграждать этотъ недостатокъ чѣмъ-нибудь другимъ; такимъ средствомъ служить сила огня. Являясь самостоятельнымъ факторомъ боя, она при надлежащей мѣткости даетъ возможность болѣе скорого выполненія задачи. Но современный бой не даетъ достаточно крупныхъ и выгодныхъ для стрѣлбы цѣлей. Пустыя поля сраженій заставляютъ разыскивать такія цѣли самымъ тщательнымъ образомъ и стараться въ кратчайшій срокъ нанести имъ возможно большее пораженіе, причемъ важность цѣли не всегда опредѣляется крупностью ея размѣровъ.

Тутъ выступаетъ на сцену работа команднаго состава, такъ какъ ни отдѣльный стрѣлокъ, ни ближайшій его маленькій начальникъ эту работу выполнить не могутъ. Является необходимость умѣлаго управленія огнемъ, безъ чего въ современномъ бою обойтись совершенно немислимо. Какъ аксіома, это положеніе безспорно, но приложеніе его къ дѣлу, съ цѣлью увеличить коэффициентъ силы, оставляетъ желать многаго.

Если задать себѣ вопросъ, — умѣемъ ли мы использовать силу ружейнаго огня въ оборонительномъ бою? — то на это придется отвѣтить утвердительно. Лучшимъ доказательствомъ служитъ упорство нашихъ оборонительныхъ боевъ, вызываемое не столько духомъ нашихъ войскъ, сколько нанесеніемъ атакующему насъ непріятелю крупныхъ потерь. Но если одинъ оборонительный бой не бѣда, то рядъ ихъ — вѣрное пораженіе.

На тотъ же вопросъ, въ примѣненіи къ бою наступательному, отвѣтъ будетъ далеко не столь благосклоненъ. До послѣдней войны мы старались возможно скорѣе подойти къ непріятелю для удара въ штыки; въ послѣднюю войну всѣ наши пылкіе наступательные порывы охлаждались встрѣчнымъ душемъ — пулей непріятеля, предварительно не потрясеннаго ружейнымъ огневымъ боемъ. И опытъ войны заставилъ обратить вниманіе на этотъ пробѣлъ въ обученіи нашихъ войскъ, но все, что до сихъ поръ дѣлается, сводится къ увеличенію мѣткости и къ этому прилагается громкое названіе «управленія огнемъ въ бою». Въ горячемъ желаніи улучшить управленіе огнемъ мы издаемъ рядъ брошюръ, дающихъ практическіе совѣты, какъ поднять мѣткость и продуктивность огня; рѣшаемъ стрѣлковыя задачи на вѣроятность попаданія; стараемся, по качанію листочковъ и вѣточекъ, опредѣлить насколько относить пулю ласкающее дуновение вѣтерка; даже создаемъ въ частяхъ войскъ особые стрѣлковые комитеты изъ опытныхъ старыхъ офицеровъ, которые стараются привить намъ всякія хитромудрыя, иногда прямо непостижимыя, сноровки, долженствующія поднять мѣткость нашей стрѣлбы; обращаемъ болѣе серьезное вниманіе на пристрѣлку и даже додумались до мушекъ разной высоты, что давно слѣдовало сдѣлать. Все это хорошо, конечно, но, какъ я уже указалъ, мы исправляемъ данную второго порядка, т. е. тратимъ всю нашу энергію на второстепенное дѣло и прилагаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы усложнить и запутать его, между тѣмъ, какъ оно само по себѣ очень просто. Хорошая *неторопливая* пристрѣлка съ простаго землянаго мѣшка на 100, 800, 1400 шаговъ; твердое

знание боя винтовки; спокойное одиночное обучение подготовительнымъ къ стрѣльбѣ упражненіямъ *безъ мелочнаго вмѣшательства* баталіонныхъ и въ особенности болѣе высокихъ командировъ; хорошій прицѣльный станокъ; хорошее простое зеркало и приборъ для повѣрки плавности спуска курка: вотъ все, что нужно для производства мѣткого выстрѣла съ умѣренныхъ разстояній подъ руководствомъ ротнаго командира; всѣ остальные приборы и снаровки, какъ лишній хламъ, обременяющій обучающаго, являются скорѣе вредными, чѣмъ полезными. Если, для обученія боевой стрѣльбѣ, мы къ этому прибавимъ глазомѣрь, поставленный серьезно, а не между дѣломъ, дадимъ обучаемому простѣйшія свѣдѣнія о баллистическихъ свойствахъ оружія и причинахъ невѣрности выстрѣла, да научимъ наблюдать за непріателемъ и паденіемъ пуля, то этого также будетъ достаточно.

Мѣткость вещь прекрасная и крайне необходимая, но въ бою она сильно понижается: цѣли малы или вовсе невидимы, и окончательный эффектъ никогда не оправдаетъ нашихъ ожиданій; къ тому же она доступна и отдѣльному стрѣлку, а умѣлое руководство взводнаго или ротнаго командира можетъ ее улучшить и даже дать возможность поражать цѣли, которыя самъ стрѣлокъ не сумѣлъ бы обстрѣлять; но къ термину *управленіе ружейнымъ огнемъ въ бою* такой узкій масштабъ примѣнять не приходится.

Любой учебникъ тактики гласитъ: современный оборонительный бой есть бой за мѣстные предметы; атаку слѣдуетъ вести только на важнѣйшіе пункты: рвать главный зубъ у непріателя; огонь—могущественное *подготовительное* средство; ударъ требуетъ большихъ жертвъ, если непріательскій огонь не сломенъ. Имѣются также указанія на продольный и косопріцѣльный огонь, на огневую поддержку сосѣдей, и, страшно сказать! раздаются робкіе голоса за возможность ружейнаго огня черезъ головы своихъ. Но эти указанія, не приведенныя въ систему, не включенныя въ официальныя руководства, при невозможности опытовъ на существующихъ у насъ стрѣльбищахъ, остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину, какъ надлежитъ использовать съ наибольшею выгодною ружейный огонь въ современномъ бою, обратимся къ артилеріи, гдѣ дѣло получило достаточную разработку. Подготавливая атаку огнемъ, артилерія частью орудій обстрѣливаетъ фронтъ непріательской позиціи, главную же массу огня направляетъ на избранные для атаки пункты—главнѣйшіе зубы непріателя. Она выработала вполне опредѣленный принципъ мас-

сированія огня на одинъ важный пунктъ и даже избрѣла великолѣпную для этого формулу: «стоять врозь, стрѣлять вмѣстѣ!» Никому не совѣтую легкомысленно прогуливаться по высотѣ, представляющей изъ себя тактической ключъ нашей позиціи, по которой непріятель сосредоточилъ огонь 100 орудій. Это адъ, куда резервы идутъ на пополненіе убыли истерзанныхъ защитниковъ, какъ на вѣрную гибель; угроза штыкового удара близко уже залегшей непріятельской пѣхоты заставляеть ихъ пренебрегать вѣрной смертью, но такое напряженіе долго длиться не можетъ и въ достаточно короткій промежутокъ времени успѣхъ атаки является обезпеченнымъ.

Такъ ли мы пользуемся пулей, наносящей непріятелю наибольшій уронъ? Конечно, нѣтъ! Все управленіе огнемъ сосредоточено въ рукахъ начальниковъ не выше ротнаго командира. Всѣ они *наступаютъ врозь и стрѣляютъ врозь*, причемъ отъ любого изъ нихъ трудно ожидать, чтобы, имѣя задачу наступать на пунктъ, сосѣдній съ избраннымъ для главной атаки, онъ обстрѣливалъ именно этотъ послѣдній. Начальникъ ему не скажетъ, что его атака не существенна, а важенъ лишь натискъ на пунктъ главной атаки. Чувство же самосохраненія мощно повелѣваетъ ему заботиться объ истребленіи врага, который мѣтитъ непосредственно въ него, т. е. для него наиболѣе опасенъ.

Въ старину мы оставляли часть артилеріи въ резервѣ, нынѣ вся артилерія ведетъ огневой бой. Хотя разница въ дальности артилерійскаго и ружейнаго огня столь велика, что примѣнить это правило къ пѣхотѣ въ полной мѣрѣ невозможно, но все возможное должно быть сдѣлано. Было время, когда существовалъ сигналъ: «резервъ впередъ, стрѣлять!» Считалось возможнымъ и необходимымъ привлекать къ участію въ огневомъ бою частные резервы, но дѣлалось это такъ, что приносило больше вреда, чѣмъ пользы; съ увеличеніемъ же настильности полета пули и ружейныя батареи вышли изъ моды. Поэтому въ настоящее время огневой бой ведется только цѣпью, т. е. незначительной частью людей всего боевого порядка и притомъ каждый стрѣляетъ по цѣли, расположенной прямо противъ него. Резервы остаются безмолвными зрителями разыгрывающейся передъ ихъ глазами кровавой драмы и вынуждены безропотно нести потери, не имѣя возможности отомстить за нихъ врагу.

Какъ же поправить дѣло?

Узкія рамки статьи не позволяютъ мнѣ изложить эти способы съ достаточной подробностью, но въ этомъ особенной бѣды нѣтъ. Если намѣтити общія основанія желательныхъ улучшеній, то детали могутъ быть теоретически разработаны безъ особаго труда, а практика внесетъ затѣмъ свои коррективы.

Вернувшись къ нашимъ прежнимъ аксіомамъ, увидимъ, что ружейный огонь, какъ болѣе дѣйствительный, чѣмъ артилерійскій, настойчиво требуетъ *массированія его на избранномъ для главной атаки пунктѣ*. Недостаточная дальность полета пули не позволитъ примѣнить сосредоточеніе его въ боевыхъ порядкахъ дивизіи и болѣе, но боевой участокъ бригады по своему протяженію въ глубину и по фронту дастъ къ этому полную возможность. Такое сосредоточеніе, помимо увеличенія силы огня на избранномъ пунктѣ, пропорціально количеству стрѣлковъ, принимающихъ въ немъ участіе, дастъ завидное преимущество всегда брать непріятеля не только косопріцѣльно и перекрестно, но очень часто и вдоль; при этомъ огонь съ дальнихъ дистанцій будетъ поражать и обратные скаты высотъ и, хотя мѣткость и кучность его и не будутъ значительны, но этотъ недостатокъ съ лихвой окупится косопріцѣльностью, перекрестностью и крутизной траекторіи. Сведеніе почти къ нулю значенія закрытій, неумолимая сила ружейнаго огня и его перекрестность способны навести на противника гораздо болѣе ужасъ, чѣмъ сосредоточенный огонь артилеріи, которому, впрочемъ, какъ добавочному громкому дымному пугалу, ружейный огонь не помѣшаетъ. Поэтому оставимъ ротному командиру по-прежнему заботу о мѣткости огня и управленіе имъ въ предѣлахъ его участка; сосредоточеніе же его на опредѣленномъ важномъ, избранномъ для главной атаки, пунктѣ, т. е. величину перваго порядка, входящую въ составъ коэффиціента силы отряда, передадимъ въ руки баталіонныхъ, полковыхъ и бригадныхъ командировъ. До сей поры непосредственное управленіе пѣхотнымъ огнемъ они считали дѣломъ ниже своего достоинства. Въ завѣтахъ Суворова и Наполеона этого нѣтъ, значитъ и не нужно. Но если бы Суворову дали ружье съ нынѣшней дальностью его боя, то весьма вѣроятно, что онъ оставилъ бы намъ и соотвѣтствующій завѣтъ. Новый же главный факторъ побѣды, благодаря отсутствію авторитетныхъ завѣтовъ, используется самымъ беспорядочнымъ образомъ. Необходимо немедленное устраненіе этой безтолковщины, ибо, только при такомъ способѣ управленія, подготовка атаки ружейнымъ огнемъ пріобрѣтетъ свою дѣйствительную цѣнность и займетъ подобающее ей

первенствующее мѣсто въ связи съ примѣненіемъ гранаты или бомбы, обязанныхъ разрушать недоступныя для ружейнаго огня укрытія.

Теперь на очереди стоитъ разрѣшеніе вопроса, какъ это сдѣлать? Стрѣлковая цѣпь имѣетъ специальное назначеніе держать подъ непрерывнымъ огнемъ всю линію непріятельской позиціи и уничтожать появляющіяся крупныя цѣли. Поэтому полностью отвлекать ее отъ выполненія этой задачи ни подъ какимъ видомъ нельзя. Но ничто не мѣшаетъ частямъ цѣпи, коимъ это возможно и болѣе удобно, сосредоточивать огонь по опредѣленному для всего участка пункту, оставивъ часть ея для выполненія прежней задачи. Чувство самосохраненія, заставляющее каждого обстрѣливать непріятеля, расположеннаго непосредственно противъ него, будетъ сдерживаться соотвѣтственной выучкой мирнаго времени и опредѣленнымъ приказаніемъ старшаго начальника. Но для частныхъ резервовъ откроется широкое поле дѣятельности. Обороняющійся обыкновенно занимаетъ возвышенныя позиціи; наступающій, въ свою очередь, съ дальнихъ разстояній пользуется также возвышенностями, а затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія, спускается въ низину, приближаясь къ подошвамъ занимаемыхъ непріателемъ высотъ. Такимъ образомъ только позиція, расположенная въ абсолютной равнинѣ, мѣшаетъ резервамъ стрѣлять черезъ головы своихъ цѣпей, да и то лишь съ близкихъ и среднихъ дистанцій; въ большинствѣ же случаевъ *стрѣльбу черезъ головы своихъ цѣпей надо признать неизбежной и нормальной*. Дальніе резервы могутъ быть использованы въ видѣ ружейныхъ батарей, ближніе же—для фланкированія и перекрестнаго огня. *Частные резервы должны принимать такое же участіе въ огневомъ бою, какъ и стрѣлковая цѣпь*. Болѣе значительное ихъ удаленіе отъ непріятеля, укрытіе съ фронта и огонь съ закрытыхъ позицій по невидимымъ цѣлямъ позволять имъ быть мало обнаруживаемыми, а потери они несутъ и теперь, слѣдовательно опасаться ихъ нечего. Если мы устраиваемъ иногда двухъярусную оборону, то атака еще настойчивѣе требуетъ двухъярусности огня и даже болѣе. Предварительныя приказанія, сигнализанія и кучно направленные залпы одной-двухъ ротъ могутъ служить совершенно достаточными способами для приведенія въ исполненіе воли старшаго начальника, а практика мирнаго времени выработаетъ для этого новыя сноровки.

Остается коснуться вопроса о расходѣ патроновъ и ихъ питаніи. Нельзя не сознаться, что усиленіе огня по одному опредѣленному пункту, не ослабляя его по всему атакуемому фронту, должно неизбѣжно вызвать лишній расходъ патроновъ. Но слѣдуетъ ли этимъ огорчаться? Вѣдь намъ прежде всего нужна частная побѣда на важномъ пунктѣ, а не наши патроны, служащіе къ тому лишь средствомъ. Вѣдь при подобномъ опасеніи введеніе въ наше вооруженіе пулеметовъ, пожирающихъ патроны тысячами, является какъ бы прямо преступнымъ. Непростительно лишь безцѣльное ихъ расходованіе, неоправдываемое достигаемыми результатами, а не трата со смысломъ и пользой для дѣла. Если носимый запасъ патроновъ малъ, выбросимъ изъ солдатскаго мѣшка таскаемый въ немъ въ военное время запасъ щетокъ и тряпокъ; бросимъ, наконецъ, мѣшокъ; кто наступаетъ, тотъ его не потеряетъ, а если и потеряетъ, то бѣда не велика. Наконецъ и нынѣшній боевой комплектъ можетъ оказаться вполне достаточнымъ при соответствующей организаціи пополненія. Вотъ эта-то организація у насъ нѣсколько хромаетъ, ибо до сихъ поръ не чувствовалось особенной надобности въ налаживаніи этого дѣла, такъ какъ въ принципѣ подготовка удара ружейнымъ огнемъ не существовала, кромѣ такъ называемой послѣдней стрѣлковой позиціи. Но если это не такъ, если безъ серьезной подготовки огонь ударъ требуетъ большихъ жертвъ (а нѣмцы говорятъ, что такой ударъ—безуміе), то спросъ на патроны долженъ вызвать самую усердную заботу о лучшей организаціи ихъ пополненія, благо опытъ послѣдней войны даетъ намъ достаточно матеріала для правильной ориентировки.

Буду считать свою задачу исполненной, если изложенное мною не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь и если кто-нибудь постарается примѣнить указанные мною способы управления огнемъ, хотя бы при обученіи мирнаго времени, и результатами своихъ наблюденій подѣлится съ читающей и интересующейся своимъ дѣломъ военной публикой.

В. Каземъ.

